

Мышкина Альбина Федоровна, Яковлева Ольга Николаевна

О НЕКОТОРЫХ ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ И РЕЛИГИОЗНО-МИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ СОЗНАНИЯ ЧУВАШСКОГО НАРОДА

В статье затронуты вопросы своеобразия мифологического и религиозного мировосприятий чувашского народа.

На примере образов "ар?ури", "шуйттан" проанализированы его жизненная философия и морально-нравственный кодекс. В качестве иллюстраций использованы как фольклорный материал (словарные статьи "Словаря чувашского языка" Н. И. Ашмарина), так и произведения художественной литературы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-3/35.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. III. С. 135-137. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-83

Филологические науки

В статье затронуты вопросы своеобразия мифологического и религиозного мировосприятий чувашского народа. На примере образов «арсури», «шуйттан» проанализированы его жизненная философия и морально-нравственный кодекс. В качестве иллюстраций использованы как фольклорный материал (словарные статьи «Словаря чувашского языка» Н. И. Ашмарина), так и произведения художественной литературы.

Ключевые слова и фразы: мифология; мистицизм; суеверие; жизненная философия; мироустройство; народное сознание; поверья.

Мышкина Альбина Федоровна, д. филол. н.

Яковлева Ольга Николаевна

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова

alb-myshkina@mail.ru; yak-ol-nik@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ И РЕЛИГИОЗНО-МИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ СОЗНАНИЯ ЧУВАШСКОГО НАРОДА[©]

Мифологические представления и мистические поверья очень часто просвещенный человек называет «суеверием». Между тем они являлись неотъемлемой частью мировоззрения нескольких поколений наших предков, да и человеку XXI в. они совсем не чужды [3]. Философская наука достаточно четко растолковала этот термин с позиции реального осознания и восприятия. Так, по утверждению философов, «суеверие есть вера в действие и восприятие сил, не объяснимых законами природы, поскольку эти силы не находят себе обоснования в религиозном учении. Суеверие принимает за реальность существование магических таинственных сил, которые оказывают благотворное или вредное влияние на жизнь людей и домашних животных, а также определяют известные явления природы (погоду, рост, рождение, смерть)» [10, с. 443]. Как видим, философская наука отрицает наличие в современном мире мифологических и мистических явлений, причисляя их к пережиткам народных верований. В частности, к таким явлениям здесь относят веру в магическую силу амулетов, татуировок, заговоров и т.д. При этом на глубину этой веры влияют и врожденные способности, и поведение, и условия жизни, и, естественно, воспитание человека. Наряду с этим наука, в том числе и философия, не отрицает существование мифологизма и мистицизма в обыденном сознании народа, о чем говорят те факты, которые обнаруживаются в психологии и при изучении преданий разных народов, толковании их традиций.

Одним из фиксаторов мистико-мифологических поверий, наряду с фольклорными текстами разного жанра и произведениями художественной литературы, являются толковые словари языка. В чувашской культуре таким словарем стал «Чăваш сăмахĕсен кĕнеки» / «Словарь чувашского языка» Н. И. Ашмарина (1928-1950). Обратимся к некоторым наиболее показательным примерам.

Самым культивированным в чувашском сознании понятием фольклорно-мистического ряда стал *арсури* / леший. В словаре Н. И. Ашмарина толкованию понятия «ар-сури, ар-сори, ар-сурри, ар-сүри», который здесь дан во всех своих лексемных вариациях и означает название лесного духа, уделено целых 8 страниц. Автор привел множество интересных примеров поверья народа о происхождении этого лесного существа, которые сводятся к одному знаменателю – *арсури* порождает грехопадение. Более того все они связаны с определенным миропониманием чувашского народа, с его стремлением жить в гармонии с природой, обществом (с окружающими людьми), а также и в согласии со своей совестью.

И как наглядно показывает анализ зафиксированных в словаре примеров, в чувашском мировидении существуют две основные причины появления *арсури*: во-первых, случайная смерть человека вдали от дома и как следствие невозможность отпевания и захоронения его по всем традициям: «Ар-сури вăл хĕсепсĕр вилнĕ сынсенчен полать; вăсам вăрманта порнассĕ» [1, с. 311]. / «Люди, умершие неестественно (чувашин перевел: “ненормально”) смертью обращается в арсури; они живут в лесу»; «Вăл сарăмсăр вăрманта пачăшка умăнче сылăхине каçарттармасăр, турă йунне сыпмасăр вилнĕ сынтан пулат, теçсĕ» [Там же]. / «Говорят, что он происходит из человека, неожиданно погибшего в лесу, без покаяния и причащения». Во-вторых, распутство незамужней девушки, рождение незаконнорожденных детей, убийство младенцев матерями: «Арçүри вăрманта пурăнать. Вăл хĕр ачасем арсын-ачасемпе выльасасăн пулнă ачаран пулат. Хĕр ача суратсан, сынсенчен намăс тесе, час-часах ачине вĕлерсе, сынсем сисеччен, пĕр-пĕр сьрмана пăрахасĕ. Хыпаланса вĕсем ачи сине пĕр тăпра пĕрчи те пăрахасĕ. Савăнпа вара: тăпра сапманшăн, кĕл-гумасăр вилнĕшĕн, тата хай ачине хай вĕлернĕшĕн, сав ача вăрманта кайса арçүри пулат» [Там же, с. 310]. / «Ар-сүри живет в лесу. В ар-сүри обращается ребенок, который рождается в том случае, если девушки играют с юношами. Когда девушка родит, то, из стыда перед другими, часто убивает ребенка и бросает его тайком куда-нибудь в овраг. Второпах девушки (оставляют ребенка), не бросив на него ни одной порошинки земли: Поэтому ребенок, так как его не посыпали землей и не отпели, и так как мать убила свое родное дитя, уходит в лес и обращается в ар-сүри».

Жизненная философия чувашского народа продиктована его стремлением придерживаться определенного порядка, созданного многими поколениями предков и самой природой [4]. Любое нарушение принятого

миропорядка ведет к разрушению, и в первую очередь, разрушению самого человека, его внутреннего духовного мира. Именно это порождает одно из зол, которое в народном сознании существует в образе *арсури* и, которое преследует каждого, кто посмеет вступить в его «лесное царство»: «Ар-ҫори – дух, обитающий в лесу; его можно видеть в разных видах. Он очень громко кричит, и если человек заплутается в лесу, то ар-ҫори откликается на его крик, сам зовет (его) и таким образом завлекает в самую глубь леса; иногда же сам гонится за человеком, зовет его по имени и хохочет. Избавиться от него можно крестом, вырезанным из земли. Ст. Чек. Арсури принимает разные формы, знает имя человека, щечочет его, и человек умирает» [1, с. 309].

Арсури следует отнести к числу фольклорно-мифологических существ чувашей. Однако необходимо отметить, что подобный образ характерен многим тюркоязычным народам, к примеру, он широко распространен в фольклоре казанских татар и башкир. Так, татарский поэт Г. Тукай в своей поэме-сказке «Шурале» [9] описывает его как существо, похожее на человека, с мордой лося, с покатым и горбатым носом, но очень тощего, с длинными и прямыми пальцами, с рогом и голубыми глазами, горящими огнем. Бесспорно, эстетические параллели между чувашским *арсури* и татарским *шурале* очевидны – оба они безобразны и недружелюбны по отношению к человеку.

Следует признать, что образ *арсури* получил свое достаточно широкое художественное воплощение и в чувашской литературе. Так, первым литературным произведением по мотивам народных поверий об этом лесном обитателе стала поэма-баллада М. Ф. Федорова «Арсури» (1879), в которой образ *арсури* наиболее близок к народному.

В чувашской литературе есть и образы *арсури*, напоминающие *шурале* Г. Тукая. К примеру, в рассказе «Арсури» чувашской детской писательницы М. Трубиной *арсури* представлен как человек в звериной шкуре – с рогами и копытами: «...Урисемпе тапӑрт-тапӑрт тутарса, сиккелесе илет. Пуҫӗ ҫинче мӑйрака пекки лӑс-лӑс тӑвать» [8, с. 233]. / «Подпрыгивает, дрыгая ногами. Помахивая головой, трясет подобием рога» (перевод авторов – А. М., О. Я.).

Чем-то схож с *арсури* другой сказочно-мистический образ чувашского сознания – *шуйттан*, который является больше религиозным, чем фольклорным персонажем. Однако они схожи лишь внешне (рога, копыта, волосяной покров тела, человеческая осанка), а их функция и положение в чувашском мироустройстве – разные. *Арсури* сам по себе, если не посягать на его лесную территорию, не наносит никакого вреда человеку, не преследует его вне леса. В то же время *шуйттан*, что переводится как «шойтан, чорт, дьявол, нечистый дух» [2, с. 211], был злым началом в древнем дуалистическом вероучении чувашей: «Шайтан – бог зла и мрака; местопребывание его – в бездне, в хаосе» [7, с. 78-79].

По замечанию В. А. Сбоева, известного русского ученого-этнографа и автора первой научной монографии «Заметки о чувашах» (1856), с истечением времени «понятие о шайтане подобно понятию о Торе распалось на несколько частей: явилось множество злых богов, которым всем приличествовал предикат шайтана» [Там же, с. 84]. Для религиозно-мистического мировоззрения чувашского народа характерно стремление задобрить, умиловить как добрые, так и злые божества, окружить себя ими. При этом добрые и злые боги и божества имели взаимную друг от друга независимость.

В современной литературе образ *шуйттана* широко трактуется как воплощение зла в человеке, как злобное начало в его духовности. К примеру, наиболее наглядно и глубоко это проявилось в творчестве одного из ведущих писателей философско-мистического стиля чувашской прозы Н. Петровской [5; 6].

Таким образом, подытоживая наше исследование, отметим, что у чувашского народа сложились устойчивые представления и понимание зла, которое для него является не абстрактной категорией, а вполне материализованной, воплощенной, к примеру, в образе *арсури* или *шуйттана*. При этом если *арсури* порождает сам человек, вследствие своих небогоугодных действий (убийства, распутства и т.д.), то *шуйттан* существует вне человеческих поступков. Он, наряду с *Турӑ* (Богом), первоначально был одним из двух божеств, но по истечении времени сделался, как и *Турӑ*, божеством абстрактным, не имеющим совершенно никакого сношения с людьми и с реальным земным миром. *Шуйттан* воспринимается человеком как воплощение зла, но человек его боится меньше, чем *арсури*, поэтому и имя его активно используется в речи в качестве ругательства: «Шуйтан аслашӑ, шуйтан хунешӑ, шуйтан кинемӑш, шуйтан хунемӑш! (бранные выражения)» [2, с. 212]. / «Дед шайттана, свӑкр шайттана, невестка шайттана, свекровь шайттана» (перевод авторов – А. М., О. Я.).

Список литературы

1. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка: в 17-ти т. Чебоксары: Руссика, 1994. Т. 1-2. А. 584 с.
2. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка: в 17-ти т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2000. Т. 17. X-III. 440 с.
3. Грахова С. И. Народные демонологические рассказы: принцип двоемирия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 64-67.
4. Ильина Г. Г. О некоторых особенностях чувашских топонимических преданий // Вестник Чувашского университета. 2006. № 4. С. 396-399.
5. Петровская Н. А. Тухатмӑш: роман. Шупашкар: Чӑваш кӑн. изд-ви, 2012. 495 с.
6. Петровская Н. А. Хура ангел: роман. Шупашкар: Чӑваш кӑн. изд-ви, 1999. 271 с.
7. Сбоев В. А. Заметки о чувашах. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 142 с.
8. Трубина М. Ҫырнисен пуххи: в 2-х т. Шупашкар: Чӑваш АССР кӑн. изд-ви, 1970. Т. I. 404 с.
9. Тукай Г. Шурале / пер. с татарского Р. Бухараева. М.: Современник, 1986. 40 с.
10. Философский энциклопедический словарь: более 3500 статей. М.: Инфра-М, 2006. 575 с.

**ON SOME FOLKLORE- MYTHOLOGICAL AND RELIGIOUS-MYSTICAL
PECULIARITIES OF THE CHUVASH PEOPLE'S CONSCIOUSNESS****Myshkina Al'bina Fedorovna**, Doctor in Philology**Yakovleva Ol'ga Nikolaevna***Chuvash State University named after I. N. Ulyanov**alb-myshkina@mail.ru; yak-ol-nik@yandex.ru*

The article deals with the issues of originality of mythological and religious world outlook of the Chuvash people. By the example of the images "арçури", "шуйттан" its philosophy of life and moral code are analyzed. As the illustration the authors use the folk material (entries of "Dictionary of the Chuvash language" by N. I. Ashmarin) and the works of fiction.

Key words and phrases: mythology; mysticism; superstition; philosophy of life; world order; people's consciousness; popular beliefs.

УДК 811

Филологические науки

В статье рассматриваются понятие «демоническая лексика», область её функционирования и особенности реализации на примере романа испаноязычного автора; также затрагиваются проблемы интертекстуальности и влияния картины мира писателя на создание художественного текста, приводится классификация демонической лексики согласно авторской интенции.

Ключевые слова и фразы: демоническая лексика; функционально-семантическое поле «нечистая сила»; ядерные элементы; зона периферии; идиостиль; макроконтекст; микроконтекст.

Новикова Дарья Константиновна*Северо-Кавказский федеральный университет**la_perla_negra@inbox.ru***ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДЕМОНИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ
В РОМАНЕ А. ПЕРЕЗ-РЕВЕРТЕ «КЛУБ ДЮМА, ИЛИ ТЕНЬ РИШЕЛЬЕ»[©]**

Великая испаноязычная литература всегда отличалась особой стилистикой и жанровой спецификой, которая неоднократно отмечалась на международном уровне. Нобелевскими премиями по литературе удостоились произведения испаноязычных художников слова из Чили, Гватемалы, Колумбии, Мексики, Перу, Испании – Хосе Эчегарай-Эйсагирре (1904), Хасинто Бенавенте-и-Мартинес (1922), Габриэла Мистраль (1945), Хуан Хименес (1956), Мигель Астуриас (1967), Пабло Неруда (1971), Габриэль Гарсия Маркес (1982), Камило Села (1989), Октавио Пас (1990). Широкую известность, признание читателей и эти заслуженные награды авторам принесли не только оригинально представленные образы героев, хитросплетения сюжетов, но и особенности художественного изображения, стилистические приёмы с индивидуально-авторской семантикой наполнения. Среди современных испаноязычных писателей внимание заслуживает роман испанца А. Перез-Реверте «Клуб Дюма, или Тень Ришелье» / «El club Dumas» (1993), который и послужил материалом для изучения особенностей функционирования демонической лексики (*далее ДЛ*).

Прежде всего, считаем необходимым обозначить содержание понятия «демоническая лексика», под которой понимаем демонологемы и мифологемы, обозначающие представителей потустороннего мира (так называемой «нечистой силы»), не имеющие под собой ни конкретно выраженного референта, ни прямых доказательств существования подобных существ. Однако благодаря мастерству художников слова и их идиостилю, с помощью которого до читателя «доносится» имплицитный смысл каждого художественного произведения, понятие, представление и мотивы употребления и функционирования ДЛ становятся очевидными и «открывают» более конкретные и глубинные истоки зарождения в народном сознании образов духовно-сакральной культуры.

Согласно традиции, эффективным в данном случае является антропоцентрический подход к исследованию текста, который обусловлен наряду с психологическими и коммуникативно-прагматическими факторами, также и картиной мира автора художественного текста [6, с. 108]. Идиостилевые особенности личности автора отражают его языковую картину мира. Относительно толкования термина «языковая картина мира», автор статьи разделяет авторитетное мнение Л. В. Поповской, которая понимает под этим следующее: «языковая картина мира говорящего – это способ языкового выражения его картины мира как интенционально обусловленного ментального образования... Это способ выражаемого в языке (речи) видения мира, явления сущности языковой личности говорящего, его ментально-языковая сущность, проявляющаяся в индивидуальном характере его речи» [Там же, с. 110]. Наиболее значимой в этом аспекте, является вывод о том, что «языковая картина мира автора текста включает способность с помощью языковых средств представлять